

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. ГРАЖДАНСКАЯ НАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ СОЕДИНЕНИЯ ИДЕЙ СВОБОДЫ И ДЕМОКРАТИИ	9
---	----------

ЧАСТЬ 1. ЛИБЕРАЛИЗМ, ДЕМОКРАТИЯ И БУДУЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Глава 1. Нации и либеральные идеи	25
<i>Об упрощенном понимании либерализма и национализма</i>	25
<i>О сложном взгляде на нации и национализм</i>	29
<i>Нация и либеральная демократия</i>	36
<i>Гражданская нация и гражданское общество</i>	45
<i>Либерализм и национализм в России: трудности взаимопонимания</i>	49
Глава 2. Нация: критика и реабилитация одной идеи	55
<i>Интеллектуальная критика нации</i>	58
<i>Социально-политическая критика нации</i>	60
<i>Моральная критика нации</i>	64
<i>Нация между космополитизмом и коммунитаризмом</i>	67
<i>Нация как проводник в глобальный мир</i>	73
<i>Нация перед лицом вызова культурного разнообразия</i>	79
<i>Идея нации как противовес государственному патернализму</i>	82
<i>Искушение национал-популизмом</i>	88

ЧАСТЬ 2. УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫМ РАЗНООБРАЗИЕМ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Глава 3. Управление культурным разнообразием в современном мире: контуры концепции	97
<i>Смена подходов к пониманию разнообразия</i>	98
<i>О «притязаниях культуры»</i>	100

<i>Основные проблемы управления культурным разнообразием</i>	105
<i>О новых тенденциях в сфере управления культурным разнообразием</i>	110
Глава 4. Европейский миграционный кризис:	
<i>между проблемой и решением</i>	117
<i>Европа перед вызовом глобальных миграций</i>	118
<i>Иллюзия «интеграции мигрантов»</i>	123
<i>Идеологическая перезагрузка</i>	128
Глава 5. Национальная политика	
<i>в России и современность</i>	132
<i>(Нео)советская концепция</i>	134
<i>Каково место идеи гражданской нации в национальной политике?</i>	139
<i>О теоретических и концептуальных противоречиях концепции</i>	145
<i>Национальная политика и проблема исторической преемственности</i>	151

ЧАСТЬ 3. ТРУДНЫЙ ПУТЬ

СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ

В РОССИИ: ПОДАВЛЕНИЕ НАЦИИ ИМПЕРИЕЙ

Глава 6. Эволюция идеи нации в России	
<i>и трансформации русского национализма</i>	159
<i>Инверсия идеи нации в Российской империи: от декабристов к черносотенцам</i>	159
<i>Государственный и самодельный национализм советского и постсоветского времени</i>	165
<i>Короткая жизнь русского «национал-демократического» течения</i>	176
Глава 7. Имперский синдром взамен	
<i>национального самосознания</i>	185
<i>Инерционные факторы, подавляющие национально-гражданское самосознание</i>	185
<i>Возвращение к имперской политике в России</i>	191
<i>Целенаправленная реконструкция имперского сознания: этапы и механизмы</i>	199
<i>Тоска по гражданской нации</i>	205

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ИДЕЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ В ЭПОХУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКЛЕКТИКИ	208
<i>Россия между этническим национализмом и имитацией гражданской нации . . . . .</i>	<i>209</i>
<i>Охранительный конструктивизм . . . . .</i>	<i>214</i>
<i>Империя и нация: как определить различия? . . . . .</i>	<i>218</i>
<i>Мнимая неизбежность империи и реальный кризис постимперской ситуации . . . . .</i>	<i>223</i>
<i>Национальный раскол в странах Запада: восстание элит и предательство демократии . . . . .</i>	<i>230</i>
<i>Популизм – обратная сторона элитизма . . . . .</i>	<i>234</i>
<i>Единая Европа и национальная идентичность . . . . .</i>	<i>244</i>
<i>Внимание к идентичности, отказ от иллюзий и возврат к гражданской нации. . . . .</i>	<i>254</i>
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.	259

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Эмиль Абрамович Паин — политолог и этнограф, один из зачинателей этнополитологии в России. Доктор политических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. В 1996—1999 гг. — советник Президента России по проблемам межнациональных отношений. Автор и редактор 16 книг по проблемам этнополитических процессов, в том числе «Этнополитический маятник», «Между империей и нацией», «Распутица. Polemические размышления о преопределенности пути России».

В 2004 г. награжден золотой медалью международного фонда «Толерантность». Многолетний член жюри премии им. М. ван дер Стула при Верховном комиссаре ОБСЕ по делам меньшинств.

Сергей Юрьевич Федюнин — выпускник НИУ «Высшая школа экономики», магистр политологии, докторант Центра европейских и евразийских исследований (Centre de recherches Europees-Eurasie, CREE) Национального института восточных языков и цивилизаций (Institut national des langues et civilisations orientales, INALCO), Париж, Франция.

ВЕДЕНИЕ

ГРАЖДАНСКАЯ НАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ СОЕДИНЕНИЯ ИДЕЙ СВОБОДЫ И ДЕМОКРАТИИ

Нации не вечны. Они имели начало, будут иметь и конец. Вероятно, их заменит конфедерация европейских стран. Но не таков закон настоящего века. В настоящее время существование наций хорошо, даже необходимо. <...> Существование нации — это (если можно так выразиться) повседневный плебисцит, как существование индивидуума — вечное утверждение жизни.

Эрнест Ренан

На протяжении всего XX и в начале XXI века происходило тестирование идеи нации как «великой солидарности граждан» (Э. Ренан). Неоднократно ставился вопрос: нужна ли нация настоящему веку, является ли она и сегодня условием «повседневного плебисцита»? Эти испытания шли в условиях почти непрерывных экспериментов радикального конструктивизма.

Первым в 1917 году был запущен большевистский эксперимент, который оказался разрушительным по отношению к идее гражданской нации с двух сторон: с внутренней, противопоставляя принципу гражданской солидарности классовую, пролетарскую солидарность, и с внешней — со стороны утопии мировой революции, которая должна была привести человечество к миру без государств и без наций, чтобы, как писал В. Маяковский, «без России, без Латвий, жить единым человеческим общежитием». Несколько позже был опробован другой тоталитарный проект — «всемирного рейха» с глобальным доминированием «арийской расы». Понятно, что оба эти проекта во всем противостояли идее гражданской нации, а вместе с ней идеалам свободы и демократии. Поразительно другое: иная, либеральная утопия «конца истории» и всемирной победы либерально-демократического режима

в качестве конечной точки культурной эволюции человечества, как выяснилось, не только приводит к вытеснению идеи нации доктриной «постнационального мира», но и оказывается разрушительной по отношению к демократии.

Книга Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек» (1992) была лишь вершиной айсберга и представляла собой полемически заостренное обобщение идей о победе либерально-демократического «учения», высказанных виднейшими представителями либеральной мысли (Р. Ароном, Д. Беллом, С. Липсетом и др.) во второй половине XX века. Радикальность этого манифеста оказалась опасной, а в чем-то и разрушительной для синтеза либерализма и демократии, прежде всего тем, что манифест «конца истории» проводил жесткий водораздел между старым и новым: между накопленным культурным капиталом, требующим дальнейшего освоения и весьма бережного развития, с одной стороны, и условиями новейшего времени, требующими перемен и обновления, — с другой.

Союз либерализма и демократии, как отмечали многие политические философы, — это весьма хрупкое историческое создание, сотканное из двух разных традиций: либеральной традиции Джона Локка, ориентированной на индивидуальные свободы, и демократической традиции Жан-Жака Руссо, исходящей из идеи верховенства коллективного народного суверенитета и гражданского равноправия¹. В этом союзе изначально заложено противоречие, которое может быть сглажено (так и состоялся феномен либеральной демократии), а может быть усилено, и тогда неизбежен разрыв между двумя составляющими. После Второй мировой войны исторические события стали развиваться в направлении если и не полного разрыва, то заметного осложнения взаимоотношений либерализма и демократии. На наш взгляд, можно выделить три основных

---

¹ См.: Rawls J. *Political Liberalism*. New York: Columbia University Press, 2005 [1993]. P. 4—5. См. подробнее на эту тему работы Кроуфорда Макферсона, в частности: Макферсон К. Б. Жизнь и времена либеральной демократии / Пер. с англ. А. Кырлежева. М.: ИД Высшей школы экономики, 2011 [1977].

фактора растущего напряжения между ними: во-первых, радикализм общественной мысли, не опасавшейся задеть тонкие нити исторически сложившихся взаимоотношений и поэтому грешившей революционными экспериментами; во-вторых, объективное нарастание индивидуализма, которое все чаще вступало в противоречие с коллективизмом демократических институтов и национально-гражданским самосознанием как формой коллективной идентичности; в-третьих, рост культурного разнообразия обществ. Последнее обстоятельство оказалось самым серьезным вызовом как для демократии, так и для идеи нации.

Различие ценностей, множественность представлений об «общем благе» у носителей разных культур, казалось бы, ставит под сомнение базовые положения как классической теории демократии, так и гражданской теории нации. Прежде всего речь идет о размывании целостного образа «мы» и идеи «народа» как главного политического субъекта демократии (народовластия) и одновременно источника национального (народного) суверенитета. По мнению Шанталь Муфф, первым радикальное решение проблемы столкновения роста разнообразия с идеей демократии предложил Йозеф Шумпетер, утверждавший в своей в книге «Капитализм, социализм и демократия» (1947), что «с развитием массовой демократии народный суверенитет в том виде, как он понимался классической моделью демократии, перестал отвечать требованиям времени»¹. Шумпетер предложил уделять меньше внимания коллективному субъекту и сосредоточиться на процедурной стороне демократии, обеспечении достоверности и надежности выборов, де-факто превращающих демократию из коллективного действия в соревнование групповых и индивидуальных интересов. Этим было положено начало новому научно-политическому направлению, получившему название «эмпирическая политическая теория». Развивая этот сугубо инструменталистский подход, Энтони Даунс, спустя десятилетие после упомянутой книги Шумпетера, выдвинул

---

¹ Цит. по: *Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2 (42). С. 181.

еще более радикальную идею о том, что плюрализм интересов и ценностей важнее, чем сама идея «народа»¹. При этом предлагалось отказаться еще от одной идеи, базовой как для классической теории демократии, так и для теории гражданской нации, а именно идеи поощрения участия граждан в принятии политических решений, поскольку, по мнению Даунса и других сторонников «эмпирического» подхода к демократии, это может иметь лишь негативные последствия для работы государственной системы. Стабильность и порядок в государстве, таким образом, могут и должны обеспечиваться компромиссом между разными интересами, а не иллюзорным национальным консенсусом относительно общего блага².

В 1970–80-е годы история поставила эксперимент, позволяющий протестировать результаты полного отрыва либерализма от демократии при тотальном пренебрежении не только национальным консенсусом, но даже и малейшими проявлениями гражданского согласия. В сентябре 1973 года произошел военный переворот в Чили, в ходе которого был убит всенародно избранный президент Сальвадор Альенде, а многие его сторонники и отказавшиеся участвовать в путче офицеры были без суда расстреляны. К власти пришел генерал Аугусто Пиночет, который начал проводить либеральные реформы в экономике, опираясь на военную диктатуру в политике. Этот режим просуществовал 17 лет. Несмотря на то, что «авторитарный либерализм» до сих пор имеет некоторых приверженцев в кругах людей, называющих себя либералами (особенно среди их российской когорты), сам этот эксперимент отчетливо показал недопустимость отрыва либерализма как от демократии, так и от национального согласия. Уничтожая демократию, авторитарный экономический либерализм, как частный случай «авторитарной модернизации», не дает ни малейших гарантий и для реализации важнейшей либеральной ценности — обеспечения свободы

---

¹ См.: *Downs A. An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper & Brothers, 1957.

² См.: *Муфф III. К агонистической модели демократии*.

и прав человека. Известный писатель и либеральный интеллеktуал Марио Варгас Льюса указал на то, что попытки опереться на силу, террор и ограничение прав граждан для достижения благих целей в экономике прямо противоречат либеральному мировоззрению: «Мы, либералы, не считаем, что прекращение экономического популизма или обуздание инфляции представляет собой малейший прогресс для общества, если, несмотря на либерализацию цен, сокращение государственного финансирования и приватизацию государственной собственности, государство заставляет своих граждан жить в страхе. Нельзя во имя прогресса попира́ть права граждан. <...> Согласно либеральной доктрине, прогресс должен происходить одновременно в экономической, политической и культурной сфере»¹.

XX век, помимо отрыва «узкого», экономического либерализма от демократии, демонстрировал и различные проявления демократии без признаков либерализма. Примером могут служить вкрапленные в современность патриархально-общинные и религиозные (типа исламских джамаатов) формы демократии, а также современные вариации архаичных родоплеменных демократий.

Уже в конце 1980-х годов в политической науке сформировалось стойкое отрицание сугубо инструменталистского подхода к демократии и утвердилось понимание того, что она, во-первых, не сводится к процедуре выборов, а во-вторых, неразрывно связана с идеями индивидуальных (либеральных) свобод, народного суверенитета и национального согласия. Для понимания важности последнего обстоятельства достаточно вспомнить, что сразу же после проведения выборов возникает важнейшая проблема признания легитимности их результата, которая требует именно национального консенсуса, поскольку какие-то группы интересов неминуемо оказываются в проигрыше. Значение такого консенсуса, предусматривающего готовность подчиниться невыгодному для тех или иных групп результату, особенно велико в тех случаях,

---

¹ *Варгас Льюса М.* Либерализм в новом тысячелетии // InLiberty. 2000. (URL: <http://www.inliberty.ru/library/109-liberalizm-vnbspnovom-tysyacheletii->).

когда общество после выборов раскалывается примерно на равные части, как это случилось после президентских выборов 2016 года в США. Повседневное функционирование демократической власти также нуждается в национальном согласии, прежде всего в таком элементе единства, как общегражданское (или по крайней мере преобладающее в обществе) доверие к демократическим институтам, без которого неизбежно развивается кризис легитимности власти. Эмпирические исследования, да и практический опыт, показывают, что доверие к институтам лучше всего формируется в обществах, поощряющих такие атрибуты гражданской нации, как политическое участие граждан и гражданский контроль за деятельностью властей.

Как отмечает Ш. Муфф, к концу XX века идею соединения либерализма и демократии на основе признания народного суверенитета поддерживали как либеральные обществоведы, так и большинство левых интеллектуалов из числа постмарксистов. Эта идея нашла отражение в так называемой концепции делиберативной демократии. Характеризуя теоретиков этого направления, Муфф заявляет, что «они не стремятся отказаться от либерализма, а хотят вернуть ему моральную составляющую и установить тесную связь между либеральными ценностями и демократией. <...> Они предлагают заново сформулировать демократический принцип народного суверенитета таким образом, чтобы устранить опасность, которую он мог бы представлять для либеральных ценностей»¹. В этой формуле «вернуть либерализму моральную составляющую», предполагающей преодоление элитарности либеральных концепций в политической науке и их твердую ориентацию на приоритет народовластия, отражен пафос и нашего исследования.

В нашей книге мы хотим подчеркнуть, что *синтез либерализма и демократии невозможен без третьего, связующего их, звена — гражданской нации*, понимаемой как согражданство, которое воплощает идею народного суверенитета, то есть общества «народа, овладевшего государством» для реализации

---

¹ Муфф Ш. К агонистической модели демократии. С. 182.

общественных и в этом смысле национальных интересов¹. Эта идея не нова, она продолжает заметную традицию в развитии либеральной политической мысли. Тот же Фукуяма после 11 сентября 2001 года в своих публикациях с нарастающей интенсивностью подчеркивает важную роль национального государства в современном мире и национальной же гражданской культуры, необходимой «как посредник для коммуникации — как способ общения людей, живущих в неоднородных, сложных по своей природе обществах. Успешное общество немислимо без какого-либо национального строительства и национальной идентичности»². Кстати, данная мысль отражает перемены во взглядах этого известного политического мыслителя, который в своей книге 1992 года о «конце истории» называл национальные государства «временными перевалочными пунктами» на пути к мировому господству либеральной демократии. В начале нулевых годов взгляды Фукуямы претерпели системные изменения не только в вопросе о нации — они в целом стали менее радикальными. Философ последовательно уходит от жесткого индивидуализма к пониманию роли коллективности. Наконец, в своей политической деятельности он отказался от поддержки неоконсервативных сил, перейдя на сторону Демократической партии.

Мы привели пример движения справа к либерально-демократическому синтезу, предполагающего фактическое признание роли нации, но не менее показательное движение в этом же направлении со стороны левых политиков и политических теоретиков, например такого выдающегося философа современности, как Юрген Хабермас. Этот политический мыслитель последовательно левых убеждений, которые порой (в 1960-е годы) заносили его на крайне левый фланг, был одно время открытым противником либерализма. Тем не менее с 1990-х годов он безусловно поддерживает необходимость синтеза демократии и либерализма, утверждая, что

---

¹ См.: *Deutsch K. W.* Nationalism and Its Alternatives. New York: Alfred A. Knopf, 1969.

² *Фукуяма Ф.* Проблемы европейской идентичности // *Gefter*. 17.06.2013 (URL: <http://gefeter.ru/archive/9047>).

«народный суверенитет и права человека идут рука об руку, а следовательно, обнаруживают родственность гражданской и личной независимости»¹. Это известное и часто цитируемое его высказывание мы трактуем как косвенную поддержку идеи гражданской нации, по крайней мере ее базового элемента — народного суверенитета, хотя в своих публичных выступлениях Хабермас не раз высказывал негативное отношение к идее нации, понимая ее (весьма «по-немецки») как преимущественно этнокультурный феномен. Впрочем, такая трактовка нации ныне скорее норма, чем исключение.

В начале XXI века в западных и российских интеллектуальных кругах пока господствует критическое отношение к идее нации. И в России, и в Европе многие интеллектуалы все еще считают нации устаревшими институтами, а национализм и вовсе используется лишь в качестве бранного слова. Тем не менее причины недоверия или фактического отказа от национальной формы самоорганизации в двух случаях различны.

Россия, где политическая нация не сложилась, все в большей мере «впадает в историческое детство». Российская элита мысленно погружается то ли в эпоху классических империй и «политики канонерок», то ли в эпоху сталинской империи с ее агрессивным подавлением инакомыслия, тогда как население самоустраивается от гражданской активности и уклоняется от взаимодействия с государством («гаражная экономика», недоверие к институтам власти, непотворение коррупции). Политическая архаизация в России, как и во многих других странах постсоветского мира, особенно зримо проявляется в воскрешении феномена вождизма. В ряде стран вождь официально получает статус пожизненного лидера и «отца народа» («туркменбаши» в Туркменистане, «елбасы» в Казахстане, «батька» в Белоруссии) либо де-факто представляет собой вождя-патриарха. Обращенность России к прошлому выражается и в том, что у российской элиты нет образа будущего, равно как и нет непротиворечивого

---

¹ *Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, MA: 1996. P. 127.*

национального проекта: в официальном дискурсе сосуществуют различные, порой взаимоисключающие, культурные образы нации, а ее гражданско-политическая составляющая, как мы покажем, чрезвычайно слаба и выглядит крайне неопределенно. В условиях нарастания нестабильности и стремления власти отгородиться от общества либеральные ценности, которые доминировали в конце 1980-х и на протяжении 1990-х годов, теперь подаются в России как западные и подвергаются тотальной диффамации.

В это же время Европа все чаще опьяняется «грезами постмодернистского будущего» — без наций, без границ, без социального контроля. Начиная с 1970-х годов идея нации здесь подвергается интеллектуальной, социально-политической и моральной критике, которая до последнего времени носила резкий и порой радикальный характер. Но в результате к началу нового тысячелетия в европейских странах стало очевидным наличие глубокого непонимания между космополитическими элитами и населением, опасаящимся утратить собственную идентичность и привычный образ жизни. На фоне размывания образа европейских наций и роста патернализма государства в экономике растет дезинтеграция, усиливается влияние архаичных форм самоорганизации (типа исламистских общин). В ответ на это подняла голову национал-популистская реакция, получившая небывалую социальную поддержку. Эти тенденции в совокупности привели к ослаблению либеральных ценностей, оспариваемых как справа (новыми консерваторами и правыми популистами), так и слева (радикальными левыми популистами). Брексит, победа Трампа, череда кризисов, сотрясающих Евросоюз изнутри, начиная с провала проекта европейской конституции и кризиса еврозоны и заканчивая наплывом мигрантов и актуализацией угрозы терроризма... События этого ряда, взятые по отдельности или рассматриваемые как элементы более общих тенденций (подъема национал-популизма на Западе и провала проекта «постнациональной» Европы), вызывают сильные эмоции, варьирующиеся в диапазоне от негодования до злорадства, от уныния до нескрываемого энтузиазма. Данное обстоятельство делает взвешенный анализ

указанных явлений и процессов особенно важным. Отказ от скоропалительных оценок — первичное условие такого анализа. В нашей книге мы старались придерживаться именно этой методологической позиции.

Разумеется, «донациональная» Россия значительно отличается от кажущихся «постнациональными» стран Европы, которые и сами немало различаются между собой. А потому и наблюдаемые в двух контекстах процессы имеют разную степень масштабности, опасности и корректируемости. Эти различия трактуются по-разному. В российских кругах, охваченных «посткрымской эйфорией», преобладают оценки то ли в логике басни о лисице и винограде, то ли в стилистике сатирика Михаила Задорнова, потешающего имперскую публику байками про «глупый» Запад, живущий иллюзиями, и «мудрую» Россию, которая отказывается от «евроцентризма» и тем самым имеет, в отличие от декадентской Европы, шансы занять достойное место в многополярном мире¹. У нас же другая точка зрения. Тогда как в России демократия и национальное единство откровенно имитируются, в европейских странах принцип народного суверенитета, центральный для практики демократии и концепции гражданской нации, как таковой под сомнение не ставится. И все же последствия отказа от национальной формы организации в обоих случаях парадоксальным образом совпадают. И в России, и в Европе элиты отрываются от реальности, и именно это порождает иллюзии. И там и там происходит в той или иной форме атомизация общества, а его роль в политических системах своих стран ослабевает. В то же время институты демократии сталкиваются с недостатком легитимности и все чаще дают сбой. Наконец, в обоих случаях очевиден кризис либеральных, универсальных ценностей.

---

¹ См., напр.: *Karaganov S. Russia's Victory, New Concert of Nations* // *Frontiere*. 17.03.2017. (URL: <http://www.frontiere.eu/russias-victory-new-concert-of-nations>). Представление о «высоком стиле» этого жанра можно получить, ознакомившись с докладом: *Миллер А., Лукьянов Ф. Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности* // *Россия в глобальной политике*. 2016. № 6. (URL: <http://globalaffairs.ru/number/Otstranennost-vmesto-konfrontacii--18477>).

Все это заставляет вновь задуматься о связи либерализма, демократии и национальной организации общества в современном мире. Мы полагаем, что в науке и политике наступило время вернуться к идее нации, переосмыслить ее в свете вызовов нового столетия. Анализу этого тезиса посвящена наша книга.

Еще несколько слов о методологии. В сравнении России и Европы мы опираемся на дескриптивный подход в противоположность наиболее распространенному (особенно в кругу российских либерально ориентированных исследователей) нормативному подходу, при котором Европа и Запад в целом рассматриваются только как образец для подражания, «град на холме». По отношению к такой оптике наш подход имеет ряд преимуществ. Во-первых, он позволяет увидеть некоторые общие тенденции, в том числе и кризисного характера, которые проявляются в России, на Западе и в других частях мира, по-разному преломляясь в зависимости от исторической динамики и специфического культурного контекста. Во-вторых, данный подход встраивается в общую концепцию «множественной современности», разработанную Шмуэлем Айзенштадтом и подхваченную другими учеными. Эта концепция является базовой для исследования, результаты которого отражены в данной книге. В-третьих, именно дескриптивная и компаративная оптика позволяет нам анализировать влияние современных вызовов, преодолевающих государственные и культурные границы, на процессы в разных странах, включая Россию и европейские общества. Речь прежде всего идет об усложнении и фрагментации социумов, росте культурного разнообразия и вызове миграции. Нас, в частности, интересует поиск ответов на следующие вопросы: как эти вызовы меняют концепции государственного управления? какое влияние они оказывают на динамику гражданских связей и институты социального контроля? как они сказываются на трансформации национальной и иных форм коллективной идентичности? Наконец, в-четвертых, данный подход, наряду с отказом от идеализированного образа западных обществ, противопоставит и другому, этноцентристскому славянофильскому мифу

о России как уникальной цивилизации, развивающейся по своим особым законам.

Структура книги построена следующим образом. В первой, теоретической, части мы обращаемся к академическим и общественно-политическим дискуссиям с двойной целью: во-первых, показать необходимость сложного взгляда на идею нации и феномен национализма (глава 1), а во-вторых, разобрать основные аргументы, выдвигаемые противниками и критиками нации, чтобы затем обосновать сохраняющуюся ценность этой ключевой идеи в современном нам мире (глава 2).

Вторая часть книги посвящена изучению трансформации современных обществ в условиях нарастающего культурного разнообразия, их социального усложнения и символической фрагментации. В главе 3 мы предпринимаем попытку обрисовать контуры новой концепции, именуемой «управление культурным разнообразием». Эта теоретическая концепция, которую мы, в частности, противопоставляем традиционной в постсоветской России парадигме «национальной политики», призвана снабдить исследователей аналитическими оптиками, позволяющими «схватить» указанные социальные изменения. В четвертой главе на примере миграционного кризиса 2015–2016 годов в странах Европы мы поговорим о новых моделях управления, которые вытекают из смены парадигмы восприятия культурного разнообразия и связаны в первую очередь с поддержкой гражданской кооперации и инклюзивной национальной идентичности, с более внимательным учетом социально-экономических последствий миграции и усилением координации между различными «отраслевыми» политиками: этнической, конфессиональной, миграционной, интеграционной, культурно-образовательной. В главе 5 на основе подробного изучения текста Стратегии государственной национальной политики 2012 года мы анализируем господствующий в современной России взгляд на «национальную тему» и ее связь с феноменом культурного плюрализма. Наш тезис состоит в том, что концепция «национальной политики» исходит из устаревших воззрений, является тематически узкой и внутренне противоречивой,

и поэтому она не может считаться адекватной современным политическим реалиям и научным теориям.

Наконец, в третьей части книги речь пойдет о трудностях становления гражданской нации в России. В главе 6 мы кратко проследим эволюцию восприятия идеи нации в нашей стране за последние 200 лет, уделяя особое внимание тому, как она, изначально будучи категорией общества, использовалась авторитарным государством в собственных целях. О трудностях нового освоения идеи нации в ее гражданском смысле, связанном с демократией и либеральными свободами, мы поговорим на примере взлета и падения русского «национал-демократического» течения. В последней, седьмой, главе мы обратимся к анализу используемых российским правящим слоем механизмов воспроизводства имперского синдрома. Именно этот синдром (пока) препятствует тому, чтобы российское общество наконец овладело государством. В полемическом заключении мы вновь обратимся к этой теме, но через призму двух разных типов проблем, связанных с развитием гражданской нации в мире: ее имитации (на примере России) и национального раскола (на примере некоторых стран Запада).

Авторы выражают благодарность Российскому научному фонду за поддержку исследования, положенного в основу данной книги, и фонду «Либеральная Миссия» за ее публикацию в рамках поддерживаемой фондом серии «Свобода и Право» издательства «Мысль». Мы благодарны рецензентам работы, Льву Дмитриевичу Гудкову и Алексею Алексеевичу Кара-Мурзе, за их ценные советы и замечания, а также редакторам и другим сотрудникам издательства «Мысль». Мы также признательны слушателям общеуниверситетского факультатива в НИУ ВШЭ «Этнополитология: проблемы наций и национализма, этнических и религиозных конфликтов, управления культурным разнообразием», которые в 2015/16 и 2016/17 учебных годах стали первыми участниками обсуждения некоторых разделов этой книги.

Разумеется, за все возможные ошибки и неточности, от которых, увы, никто не застрахован, авторы берут ответственность на себя.

Часть 1

ЛИБЕРАЛИЗМ, ДЕМОКРАТИЯ И БУДУЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru